

СТАТЬИ

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31696/S086919080025701-8

«АЛЬ-АЛЛАКИ – КРЕПОСТЬ В СТРАНЕ БУДЖА НА ЮГЕ ЗЕМЛИ ЕГИПТА»

© 2024

А.А. КРОЛ^а, Е.Г. ТОЛМАЧЕВА^б^{а, б} – НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия^а – ORCID: 0000-0002-5601-2890; alexikrol@mail.ru^б – ORCID: 0000-0002-9003-409X; etolma@mail.ru

Резюме: С 2017 г. на памятнике Дерахейб, расположенном в верховьях Вади-аль-Аллаки на территории Республики Судан, работает Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. До настоящего времени проведено пять сезонов полевых исследований, начаты работы на объектах Городище, Южный некрополь и Северная крепость. Археологический памятник Дерахейб может быть идентифицирован с городом Аль-Аллаки, часто упоминаемом в средневековых арабских источниках, в частности в сочинениях Ибн Русте (составлено ок. 903–913), аль-Йакуби (ум. 897), Ибн Хаукаля (ум. после 988), аль-Бакри (1014–1094), Йакута (ок. 1179–1229), Ибн Сауда аль-Магриби (1214–1275). Расцвет Аль-Аллаки относится к IX–XII вв. Город был центром золотодобычи в регионе. Через Аль-Аллаки проходил один из торговых путей, соединявших красноморский порт Айзаб и верхнеегипетский город Асуан, а также один из маршрутов движения паломников из Египта и стран Магриба в хадж. Одним из интереснейших объектов на памятнике является Северная крепость – фортификационное сооружение квадратной в плане формы 26,50×26,50 м. Крепость была исследована в ходе двух сезонов 2020 и 2022 гг. В результате раскопок были обнаружены предметы, связанные с бытом обитателей крепости: керамика, текстиль, растительные остатки, кости животных. Показательно, что и текстильные находки, и керамика, происходящие из крепости, отличаются наличием достаточно большого количества импорта и статусными, роскошными вещами: иракская люстровая поливная керамика, фрагменты китайских селадонов, шелковые изделия. Анализ обнаруженных предметов позволил сформулировать гипотезу о том, что Северная крепость являлась скорее замком местного правителя, нежели крепостью, в котором располагался воинский гарнизон. Сопоставление полученных археологических, антропологических, археоботанических и археозоологических данных со свидетельствами арабских источников позволяет предпринять попытку реконструировать жизнь обитателей Северной крепости IX–XII вв.

Ключевые слова: Судан, Атбай, Вади-аль-Аллаки, Дерахейб, Северная крепость, Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ

Для цитирования: Крол А.А., Толмачева Е.Г. «Аль-Аллаки – крепость в стране буджа на юге земли Египта». *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 6–20. DOI: 10.31696/S086919080025701-8

“AL-ALLAQI – A FORTRESS IN THE BUJAH COUNTRY, SOUTHERN EGYPT”

© 2024

Alexei A. KROL ^a, Elena G. TOLMACHEVA ^b

^{a, b} – Research Institute and Museum of Anthropology,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0002-5601-2890; alexikrol@mail.ru

^b – ORCID: 0000-0002-9003-409X; etolma@mail.ru

Abstract: Since 2017, the Nubian Archaeological and Anthropological Mission of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University has been working at the site of Deraheib, located in the upper reaches of Wadi al-Allaqi in the Republic of Sudan. So far, five seasons of field research have been conducted. Excavations have started at the Settlement site, the Southern Necropolis, and the Northern Fortress. The archaeological site of Deraheib can be identified with the city of Al-Allaqi, often mentioned in the Medieval Arabic written sources, specifically – in the works by Ibn Rosteh, al-Yaqubi, Ibn Hawqal, al-Bakri, Yaqut ar-Rumi, Ibn Said al-Maghribi. The heyday of Al-Allaqi dates back to the 9th–12th centuries. The city was the center of gold mining in the region. One of the trade routes which connected the Red Sea port of Aydhab and the Upper Egyptian city of Aswan ran through Al-Allaqi. One of the most interesting objects at the site is the Northern Fortress – a square-shaped fortification structure, 26.50 by 26.50 m in plan. As a result of the excavations, various objects relating to the daily life of the fortress' inhabitants were discovered: ceramics, textiles, plant remains, and animal bones. It is significant that all artifacts originating from the fortress are distinguished by the presence of a large number of imports and luxurious items. Analysis of the objects allowed to suggest that the Northern Fortress was probably a castle of the local ruler rather than a fortress housing a military garrison.

Keywords: Sudan, Atbai, Wadi al-Allaqi, Deraheib, Northern Fortress, Nubian Archaeological and Anthropological Mission of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University

For citation: Krol A.A., Tolmacheva E.G. “Al-Allaqi – a Fortress in the Bujah Country, Southern Egypt”. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 6–20. DOI: 10.31696/S086919080025701-8

ПАМЯТНИК ДЕРАХЕЙБ

Археологический памятник расположен на территории Республики Судан в центре обширного региона, именуемого Центральным Атбай и являющегося частью Нубийской пустыни между широтой Асуана на севере и Абу-Хамеда на юге. В составе Центрального Атбая нами выделяется регион Вади-аль-Аллаки – само вади (сухое русло реки) и ее многочисленные притоки. У истоков этого вади и находится Дерахейб [Крол и др., 2023, с. 262–264] (рис. 1)¹.

¹ Иллюстрации к статье см. на цветной вклейке.

Памятник занимает площадь около 36 га, на которой расположены следующие археологические объекты: Северная крепость, Южная крепость, Городище, Южный некрополь, поселения старателей, древние и средневековые прииски (рис. 2).

С 2017 г. на памятнике работает Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. До настоящего времени проведено пять полевых сезонов. Данные, полученные в ходе раскопок, и сообщения средневековых арабских авторов свидетельствуют о том, что в IX–XII вв. на городище Дерахейб функционировал крупный административный центр золотодобывающего региона Вади-аль-Аллаки. Через Дерахейб, известный в арабских источниках как город Аль-Аллаки, проходил караванный путь по Нубийской пустыне, соединявший Асуан и красноморский порт Айзаб и занимавший в среднем две недели; по нему перевозили пряности из юго-восточной Азии, благовония из Аравии, китайскую керамику и шелк [Hassan, 1973, p. 66–82; Крол, 2020, с. 203–217]. В Аль-Аллаки останавливались паломники из Египта и стран Магриба, направлявшиеся в хадж [Крол, 2018, с. 21–30].

ИСТОРИЯ РЕГИОНА ВАДИ-АЛЬ-АЛЛАКИ В IX–XI вв.

Регион Вади-аль-Аллаки был известен своей золотоносностью уже в фараоновский период [Vercouter, 1959, p. 128–130; Крол и др., 2025]. Организованная в государственном масштабе добыча драгоценного металла здесь велась в правление XVIII–XX династий Нового царства [Klemm, Klemm, 2017, p. 260–270], возможно, в Птолемеевский период [Бухарин, Крол, 2020], средневековье [Hassan, 1973, p. 50–63; Power, 2012, p. 158–163] и вплоть до настоящего времени.

Как свидетельствует современный опыт золотодобычи в Нубийской пустыне, существенную прибыль может приносить лишь масштабная добыча и переработка золотоносной кварцевой породы, что требует привлечения большого количества квалифицированных рабочих, создания сложной инфраструктуры, которая бы обеспечивала их длительное пребывание в пустыне (проживание, доставка воды и продовольствия, охрана путей сообщения и самих приисков), первичную переработку породы и транспортировку золота в «метрополию». Успешное функционирование всех этих сложных логистических цепочек нуждается в привлечении значительных инвестиций и административного ресурса, что под силу лишь государству. Кроме того, для организации золотодобычи во внутренних областях Нубии необходимо установление долгосрочных договорных отношений с местными кочевниками беджа, которые как ранее, так и ныне враждебно относятся к добыче золота на своей земле чужаками, особенно если это не приносит им ощутимую выгоду. От государства требуется уговорами, подкупом или угрозами принудить лидеров беджа к заключению соглашений, которые обеспечат бесперебойное функционирование сложного механизма добычи золота в пустыне и контролировать исполнение договоренностей. Ранее, в эпоху Нового царства, те же проблемы стояли перед египетской администрацией в Нубии [Крол и др., 2025]. Поэтому добыча золота в Вади-аль-Аллаки процветала лишь в периоды стабильной централизованной власти в Долине Нила, в первую очередь в Египте.

Как только власть в Египте или Судане ослабевала или же менялась политическая или экономическая конъюнктура в регионе это неизбежно приводило к нарушению логистических цепочек обеспечения приисков едой, пищей, рабочей силой, орудиями труда; золотодобыча и торговля становились менее рентабельными; поселения старателей пустели, смещались караванные пути. Лишившись возможности получать мзду со старателей, торговцев и паломников, кочевники начинали грабить тех, кто еще оставался в пустыне. Подобное развитие событий с некоторыми вариациями может быть прослежено на осно-

вании письменных источников, начиная с периода Нового царства и вплоть до XII в., когда золотодобыча в Восточной пустыне прервалась. Схожую картину мы можем наблюдать и применительно к золотодобыче в современном Судане.

Активная добыча золота в Нубийской пустыне в Средние века начинается, вероятно, в первой трети IX в. [Hassan, 1973, p. 50]. Согласно египетскому историку аль-Макризи (1364–1442), к началу IX в. множество мусульман работало на рудниках в землях беджа, простиравшихся к югу от Асуана [Vantini, 1975, p. 624]. Они активно вступали в браки с беджа из племени аль-хадариб, многие беджа принимали ислам. Однако в правление халифа аль-Мамуна (813–833) кочевники стали совершать нападения на южные земли ас-Саида. Для их усмирения халиф послал некоего Абдаллаха ибн Джахма, который нанес беджа несколько поражений и в апреле 831 г. заключил с ними договор, который кодифицировал отношения между мусульманами и беджа [Vantini, 1975, p. 625–628].

Другое значительное восстание беджа произошло в 855–856 гг. Ат-Табари (839–923) повествует о том, что беджа перестали платить налог (харадж), напали на рудники, расположенные на границе египетских владений, часть рабочих вырезали, а остальных изгнали, заявив, что отныне запрещают мусульманам работать на своей земле [Арабские источники, 1960, с. 102]. Почувствовав безнаказанность, они атаковали египетские города Эсна и Эдфу в Долине Нила [Vantini, 1975, p. 727]. Для подавления восстания халифом аль-Мутаввакилем была организована карательная экспедиция под руководством Мухаммада ибн-Абдаллаха аль-Куми. Для снабжения своего войска в пустыне продовольствием аль-Куми распорядился отправить из Суэца семь кораблей, груженных продуктами. Корабли эти должны были ждать армию аль-Куми в местности Санджа [Арабские источники, 1960, с. 104], которая располагалась рядом с Айзабом [Vantini, 1975, p. 729]. Это позволяет нам сделать вывод о том, что события противостояния между беджа и войском аль-Куми разворачивались в Вади-аль-Аллаки.

Следующий чрезвычайно важный для изучения средневековой истории Атбая эпизод имел место во второй половине 50-х годов IX в., когда некто Абд ар-Рахман аль-Умари захватил власть в золотоносном регионе и создал, по образному выражению Тимоти Пауэра, «государство рабов и золота» [Power, 2012, p. 162]. Аль-Умари удалось объединить военные силы арабских племен (прежде всего ар-рабиа и аль-джухайна), населявших Нубийскую пустыню, и силы племен беджа и в течение почти 15 лет (с 855 по 870 г.), успешно противостоять попыткам эмира Египта Ахмеда ибн Тулуна и правителей нубийского царства Мукурра разрушить созданное им квазигосударственное формирование, охватывающее территорию почти всей Нубийской пустыни. Об этих событиях мы узнаем из сочинения арабского историка и географа Мухаммада ибн Йусуфа аль-Кинди (895–961) «Истории правителей и судей Египта» [Al-Kindi, 1912, p. 214] и хроники аль-Макризи «Китаб ал-мукаффа аль-кабир» («Большая рифмованная книга») [Vantini, 1975, p. 706–722]. Под властью аль-Умари регион Вади-аль-Аллаки переживает подлинную золотую лихорадку из-за притока мусульман, стремящихся добывать золото. По сообщению аль-Макризи, население региона золотых приисков в стране беджа было таково, что требовалось 60 тысяч тягловых животных, чтобы доставлять старателям провизию из Асуана, не считая продовольствия, которое привозили из Кулзума в Айзаб» [Vantini, 1975, p. 719].

Аль-Умари был убит где-то в районе 872 г., судя по упоминанию аль-Кинди [Vantini, 1975, p. 146]. Вряд ли он жил в Дерахейбе, так как большую часть золотодобычи при нем велась в Аль-Шункейр (Вади-Габейт) [Power, 2012, p. 161–162].

Согласно Ю.Ф. Хасану, в период, когда Нубийская пустыня находилась под контролем аль-Умари, туда переселилось много арабов из Аравии (ар-рабиа, аль-джухайна) и арабские племена из Сирии [Hassan, 1973, p. 54].

После гибели аль-Умари в регионе Вади-аль-Аллаки, вероятно, не происходило никаких значительных событий, которые бы заслужили упоминания арабскими авторами. Главенство в регионе принадлежало ар-рабиа, которые доминировали над племенами аль-мудар, аль-яман и беджа из племени аль-хадариб [Hassan, 1973, p. 59]. Установившееся затишье создало благополучную обстановку для активной золотодобычи. Вероятно, именно в этот период был основан город Аль-Аллаки и возведена Северная крепость.

Аль-Аллаки впервые упоминается в сочинении аль-Йакуби (ум. 897) «Книга стран»: «А Вади-л-‘Аллаки — подобие большого города, очень населенного, со смешением арабов и инородцев, искателей сокровищ; в нем [ведется] торговля и [есть] рынки. [Жители] пьют воду из колодцев, вырытых в Вади-л-‘Аллаки. Большая часть [жителей] ‘Аллаки принадлежат к раби‘а, к бану ханифа, которые [происходят] из ал-Йамамы и переселились сюда с женами и детьми. Вади-л-‘Аллаки и ее окрестности — [область] золотых копей. Повсеместно находящиеся там люди из всяких народностей, купцы и прочие, используют для земляных работ черных рабов» [ал-Йа‘куби, 2011, с. 89–90].

Ибн Русте в «Книге драгоценных ожерелий», написанной между 903 и 913 гг., в одном из пассажей так описывает маршрут паломников из Асуана: «От Асуана до Ал-‘Аллакй расстояние в 10 дней; от ал-‘Аллакй до берега [Красного моря] расстояние в четыре дня, а от берега до Джидды — день и ночь, а от Джидды до Мекки — два дня» [Ibn Rusteh, 1955, p. 211].

Ибн Хаукал (ум. ок. 977) в «Книге облика Земли» упоминает регион Аль-Аллаки «расположенный в песках и на равнине, а частично в горах, что между ал-‘Аллакй и Асуаном. Богатства этой россыпи доставляются в Египет; это золотая россыпь, серебра в ней нет. Она находится в руках раби‘а, а они — главная часть населения рудника» [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 54]. Топоним нанесен на карту, приложенную к сочинению Ибн Хаукала [Ibn Hawqal, 1964, pl. 5].

Географ аль-Бакри (ум. 1094) в «Книге путей и государств» описывает две дороги, соединявшие Асуан и Айзаб: «Одна называется ал-Вада‘; она равна восемнадцати переходам по безводной пустыне и пескам, где нет населенных мест. Вторая дорога называется дорогой ал-‘Аллакй; она также равна восемнадцати переходам. На ней нет населенных мест, за исключением города на середине пути. Он называется ал-‘Аллакй — по названию реки там. Город обилен гранатами и прочими благами. Его населяет множество людей, утверждающих, что они — арабы из [племени] калб ибн вабра; они честны и соблюдают законы в отношении тех, кто проезжает мимо них» [*Древние и средневековые источники*, 1965, с. 190].

Из этих сообщений следует, что первоначально топоним Аль-Аллаки чаще применялся для обозначения золотоносного региона у истоков вади в Красноморских горах, где располагались многочисленные золотые рудники. Однако потребность в центре, из которого бы осуществлялось управление приисками, куда бы стекалось золото на предварительную обработку и хранение, где бы могли остановиться караваны торговцев и паломников направляющиеся к порту Айзаб и в обратном направлении от Красного моря к Нилу, привело к появлению в Аль-Аллаки города. В нем, на наш взгляд, проживали люди, не вовлеченные непосредственно в добычу золота и торговлю, а занимавшиеся администрированием этой деятельности, обеспечением старателей и путешественников едой, водой, изготовлением и ремонтом орудий, возможно, промывкой породы, хранением золота. Такие «города» (Джебел-Нымр, Нурайя, Аль-Ансари, Габет-аль-Маадин и др.) образовались в Нубийской пустыне и в начале XXI в. с новым приступом золотой лихорадки в Судане.

Аль-Аллаки был отстроен, вероятно, на уже обжитом местными племенами кочевников беджа месте, где было много зелени и колодцев. Высказывалось предположение,

что на месте нынешнего памятника Дерахейб, прежде чем возник средневековый город, существовало поселение старателей, добывавших золото в эпоху Нового царства [Paul, 1954, p. 27; Krol et al., 2024(1)]. По мнению Ан. и Ал. Кастильоне, работавших в Дерахейбе в рамках проекта Центра изучения Восточной пустыни, в верховьях Вади-аль-Аллаки в Птолемеевский период был выстроен город Береника Всезлатая – столица золотодобывающего региона [Castiglioni et al., 1998, S. 46–71, 149–153]. Впрочем, убедительных доказательств высказанным предположениям представлено не было [Бухарин, Крол, 2020, с. 172–192].

В позднеантичный период, по мнению тех же исследователей, в Дерахейбе находилась одна из столиц царства блеммиев, которые были вынуждены вернуться в пустыню после того, как в середине V в. потерпели поражение от нобадов [Sadr et al., 1999, S. 55]. Царский некрополь беджа, видимо, находился в котловине Ониб, в 40 км к юго-востоку от Дерахейба [Castiglioni, Castiglioni, 2020(2), p. 65].

Когда же Аль-Аллаки становится городом с формальной точки зрения? Вероятно, это произошло, когда количество людей, обеспечивавших функционирование золотодобычи в регионе и постоянно проживающих у истоков вади, возросло настолько, что возникла необходимость в строительстве пятничной мечети – ведь именно ее наличие, по мнению аль-Мукаддаси, и является определяющим признаком города [Большаков, 1984, с. 59]. Это произошло, вероятно, в первой трети X в., когда, согласно данным радиоуглеродного датирования, была основана пятничная мечеть в Аль-Аллаки². О том, что это именно пятничная мечеть, свидетельствуют ее размеры (29×16 м) и местоположение в самом центре городища [Крол и др., 2019, с. 137]. Мечеть таких размеров могла вместить от 400 до 500 человек [Крол, 2024].

Аль-Аллаки может быть отнесен к городу третьего типа застройки по классификации О.Г. Большакова: «Плотная застройка. Двухэтажный дом с небольшим внутренним двориком, занимающим около 1/3 участка. Этот тип характерен для центра большинства городов Ближнего Востока X–XII вв.» [Большаков, 1984, с. 102]. О.Г. Большаков определяет плотность населения в городах такого типа в 250 чел./га [Большаков, 1984, с. 106]. Площадь городища составляла 3,28 га. Таким образом, в Аль-Аллаки могло проживать более 800 человек, к которым мы должны прибавить тех, кто жил в домах, выстроенных напротив городища по западной кромке вади, вне досягаемости селевых потоков.

В отличие от современных «рынков», возникших в Нубийской пустыне с началом золотой лихорадки в Судане в 2012 г., население которых составляют исключительно мужчины возраста 20–30 лет, в Аль-Аллаки проживали представители обоих полов и всех возрастных категорий. Такие данные дают ведущиеся с 2018 г. раскопки Южного некрополя в Дерахейбе [Крол и др. 2023, с. 275–279], в котором захоронено средневековое население города, преимущественно исповедовавшее ислам. Об этом свидетельствует типично мусульманский погребальный обряд, зафиксированный в большинстве могил. Радиоуглеродным методом были датированы находки из пяти мусульманских захоронений и получены калиброванные даты между 863 и 1083 гг.³

Не только пятничная мечеть позволяет с полным основанием считать Аль-Аллаки городом, но и расположенная на противоположной западной стороне вади строение, получившее условное обозначение Северная крепость.

² При раскопках Здания 3 (мечеть) в 2018 г. под основанием михраба был обнаружена ниша с керамическим сосудом. В нем находился полностью корродированный железный (?) предмет и угли. Датирование угля было проведено в лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН к.г.н. Э.П. Зазовской. Анализ дал дату: 1135±20 BP (776–990 гг. н. э. (cal AD)), Median 931 cal AD.

³ Датирование было проведено в лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии РАН к.г.н. Э.П. Зазовской и в лаборатории изотопных исследований кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. А.И. Герцена к.г.-м.н. М.А. Кульковой.

СЕВЕРНАЯ КРЕПОСТЬ

Объект Северная крепость (СК) представляет собой здание квадратной в плане формы 26,50×26,50 м. В более позднее время участок 10×10 м, примыкающий к юго-западной стене сооружения, был дополнительно обнесен стеной. В центре юго-восточной стены СК расположена башня, в которой находится вход в виде высокого арочного проема. Он открывает доступ во внутреннюю часть башни, где расположен другой более низкий проем, ведущий во внутреннее пространство СК. Оба проема, безусловно, закрывались воротами или портулисами. Такое устройство башни позволяло уничтожать нападавших, оказавшихся в пространстве между первыми и вторыми воротами. Углы СК укреплены контрфорсами, возведенными для защиты основания крепости от воздействия селевых потоков. Стены СК сложены из сланцевых плит, уложенных на связующий раствор. Высота наиболее хорошо сохранившейся восточной части юго-западной стены достигает около 10 м. (рис. 3). Внутри СК представляет собой комплекс разновременных построек, перекрытых завалами стен.

Данные, полученные Нубийской экспедицией МГУ, позволяют предполагать, что Северная крепость была возведена в конце IX – начале X в.

Раскопки в центре юго-западной стены, в которой располагался вход в крепость, были начаты в 2020 г. с целью установления ее конструктивных особенностей (глубина залегания фундамента, высота стен и т.д.), а также установления возможной даты ее основания [Крол и др., 2021, с. 127–133]. Тогда же был расчищен «заплывший» грабительский котлован, который позволил проследить строительную историю памятника.

В слое, связанном со строительством (или перестройкой) крепости, была обнаружена сильно окисленная монета, которая после реставрации оказалась фельсом Ахмеда ибн Тулуна, правившего в Египте в 868–884 гг. (рис. 4.1). Монета была отчеканена в Египте в 258 г. по Хиджре, что соответствует 871/2 г. Найденный фельс относится к первому чекану Ибн Тулуна [Grabar, 1957, p. 29–30, pl. I] и позволил датировать слой, связанный со строительством (или перестройкой) крепости. Таким образом, сооружение крепости, скорее всего, последовало за убийством аль-Умари в 870 г. и завершением беспокойного периода его доминирования над золотоносным регионом⁴.

Имеющиеся даты позволяют предположить, что город Аль-Аллаки был основан в конце IX – начале X в. Причем основные здания города – Северная крепость, Южная крепость (караван-сарай), мечеть возводились по единому архитектурному замыслу. Во всех перечисленных сооружениях одним из конструктивных и декоративных элементов является арка; в качестве связующего вещества для каменной кладки, а также для декорирования помещений, применялся туф [Кандинов, Крол, 2021, с. 109–119]. Использование арочных проемов (рис. 5) и резьбы по штукатурке (рис. 4.2), которые, вероятно, составляли декоративные панели, позволяет предполагать возможную стилистическую связь между сооружениями Дерахейба, с одной стороны, и постройками Самарры аббасидского времени и Каира времени правления Тулунидов, с другой.

Важную информацию о времени функционирования Северной крепости и жизни его обитателей дали материалы из раскопок в центре северо-западной стены у прямоугольного (55×65 см) сквозного проема. Под этим проемом находился холм грабительского выброса

⁴ Нельзя, впрочем, исключать, что в конце IX в. Северная крепость была перестроена, а не возведена на новом месте. На эту возможность, в частности, указывает дата, полученная в ходе работ на памятнике Дерахейб Центра изучения Восточной пустыни. Радиоуглеродный анализ дерева из притоки входа в крепость дал калиброванную дату 740 г. [Castiglioni, Castiglioni, 2020(1), p. 43]. Радиоуглеродные даты, полученные Нубийской экспедицией МГУ при анализе материалов из СК, данные изучения найденной керамики и текстиля, однако, укладываются в диапазон между X и XI вв.

из Помещения I, расположенного внутри крепости. Выброс был тщательно просеян, а затем был выбран грабительский перекоп внутри Помещения I.

Находки условно делятся на следующие группы: керамика (асуанская гончарная керамика, нубийская гончарная и лепная, египетская и иракская поливная керамика); предметы, связанные с бытом обитателей крепости: украшения (бусины, серьга) (рис. 4.3), фрагменты изделий из стекла; обрывки бумаги с арабской вязью (рис. 4.4), текстиль, предметы, связанные с прядением и ткачеством (костяное пряслице), фрагменты настенной резьбы по туфу, бронзовая чаша, декоративные накладки на мебель (?), предметы личной гигиены (расческа, палочки для чистки зубов); кожаные изделия; плетеные изделия из растительных волокон; растительные остатки.

Предметы археологического текстиля относятся к числу важных находок, неожиданно многочисленных, что не характерно для данной местности и природных условий и потому уникальных⁵. Всего было обнаружено около 200 фрагментов ткани. Состав находок поражает своим разнообразием: помимо стандартных для данного региона хлопковых тканей (часть из которых, вероятно, мог составлять индийский импорт), фиксируются льняные ткани египетского происхождения, местная и привозная шерсть (Египет и страны Передней Азии; Восточное Средиземноморье), а также фрагменты шелковых тканей. Последние нечасто встречаются среди археологического текстиля, происходящего из раскопок средневековых нубийских памятников [Yvanez, Wozniak, 2019]. Более того, изделия из шелка, относившиеся к числу статусных, престижных предметов костюма, представляют собой редкость и в контексте археологических находок, сделанных при раскопках крупных столичных центров, таких как, например, Фустат.

Среди прочих находок шелковых тканей в Дерахейбе был обнаружен фрагмент, предположительно, китайского импорта: полихромная ткань, декорированная в технике набойки по резерву (рис. 6.1). Находки археологического текстиля в Северной крепости соответствуют по технике ткачества, материалам и другим технологическим особенностям находкам, сделанным в мусульманских погребениях на территории Некрополя. Более того, результаты изучения археологического текстиля, обнаруженного в погребениях, показывают, что, помимо стандартных льняных и хлопковых саванов, в некоторых погребениях были найдены изделия из шелка (шаль, тюрбан ?) (рис. 6.2), а также заплаты из хлопка, выполненные шелковой нитью (!) [Толмачева, 2023]. Любопытно, что шелковые нити одной из шалей имеют сильную Z-крутку⁶, что нехарактерно – обычно шелк без крутки или со слабой Z. Это может быть особенностью технологических процессов в неизвестных нам ткацких центрах. В качестве одного из возможных объяснений можно предположить вторичную переработку нитей: некое шелковое изделие было распущено на нити и соткано заново. По крайней мере, подобная операция фиксируется для китайских шелков позднеантичного времени, найденных в районе прохождения шелкового пути на пограничных китайских территориях [Feng, 2017].

Наибольший интерес представляют найденные в Северной крепости фрагменты шелковой ткани в технике лампас (рис. 6.3), предварительно датируемые XI в. и имеющие, предположительно, антиохийское происхождение [Толмачева, 2022; 2023; Крол и др., 2021, с. 139]. Поиск возможных параллелей дал неожиданные результаты. Сразу в нескольких

⁵ Подробнее о коллекции текстиля из Дерахейба см.: [Крол и др., 2021, с. 137–140; 2023, с. 284–285; Толмачева, 2022; 2023].

⁶ В процессе прядения волокна нитей чаще всего скручиваются либо в правую сторону (Z), либо в левую (S). Направление крутки – один из самых традиционных и консервативных показателей ткачества, являющийся хронологическим и географическим маркером.

музейных коллекциях⁷ были обнаружены шелковые ткани и изготовленные из них головные уборы, которые не просто являлись аналогиями к находке из Дерахейба, но ее полными копиями. Можно с определенной долей уверенности предположить, что производство такого рода шелков было массовым и коммерчески востребованным. Орнаментальная композиция, составными элементами которой выступали изображения восьмиконечных звезд, имевших совершенно определенные семантические коннотации как в византийском, так и в исламском искусстве, а также хищных птиц, возможно, геральдических символов, вероятно приобрела в этот период большую популярность и использовалась для украшения шелковых тканей, шедших на изготовление мужских шапок-калансув. Подобного рода головные уборы могли свидетельствовать о высоком социальном и/или имущественном статусе их обладателей.

К числу фрагментов статусных предметов костюма относится и гобеленовая вставка с растительным декором и арабографичной надписью (рис. 6.4), вытканная из хлопковых и шелковых нитей, которая могла некогда украшать тюрбан или, менее вероятно, рукав наплечной одежды. Эта находка также предварительно датируется XI в. и также имеет многочисленные аналогии в мировых музейных собраниях.

В Северной крепости было найдено и значительное количество предположительно индийского импорта. Было изучено около 10 фрагментов хлопковых тканей с орнаментальным узором, выполненным в технике набойки синим красителем⁸ (рис. 6.5). Такие ткани составляют довольно обширную группу, хорошо известную специалистам по средневековому текстилю. Ткани, украшенные в технике набойки – частые находки при раскопках крупных столичных и торговых центров эпохи Средневековья от Египта и Нубии до Ближнего Востока, однако наибольшее распространение подобная простая и эстетически привлекательная техника декорирования текстиля после ткачества получила в мамлюкскую эпоху (XIII–XVI вв.). Радиоуглеродное датирование показало, что отдельные экземпляры уверенно датируются XI в. [Barnes, 1997]. Проведенный радиоуглеродный анализ⁹ образца подобного рода тканей из Дерахейба дал калиброванную дату 1034 г., что позволяет отнести ее к числу одних из самых ранних, обнаруженных на территории Египта и Нубии.

В заполнении Помещения I были найдены кости животных, угли и пористые, черные фрагменты органического вещества, анализ которого показал, что это человеческие фекалии [Крол и др., 2021, с. 141–143]. Вероятно, на завершающем периоде существования Северной крепости Помещение I использовалось для выброса разнородного мусора и содержимого отхожих мест.

Интересные данные были получены в результате анализа ботанической коллекции, собранной при просеивании заполнения Помещения I¹⁰. Было установлено, что более половины образцов являются плодами зизифуса колючего (*Ziziphus spina-christi*), эндемичного растения для Египта и Судана, известного в арабском языке как сидр. Его плоды были найдены в хозяйственных ямах археологического комплекса Хор-Дауд (4-е тыс. до н.э.), исследованного советскими археологами в 1961–1962 гг. [Мерперт, Большаков, 1964,

⁷ Идентичные фрагменты шелковых тканей и даже готовые изделия оказались представлены в музее Метрополитен (<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/140008023?rpp=60&pg=23&ao=on&ft=Textiles+Byzantine&pos=1335> (дата обращения: 20.07.2024)), Кливлендском музее искусств (<https://www.clevelandart.org/art/1950.525> (дата обращения 20.07.2024)), музее Виктории и Альберта (<https://collections.vam.ac.uk/item/O353018/cap-headgear/> (дата обращения 20.07.2024)) и в Британском музее [Rogers, 1983, p. 45].

⁸ В настоящее время совместно со специалистами с химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова ведутся исследования природы красителей с целью более точного определения источника их происхождения.

⁹ Датирование было проведено в Лаборатории изотопных исследований, ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН.

¹⁰ Анализ проведен м.н.с. лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН А.Ю. Сергеевым.

с. 175]. В фараоновское время широко использовались как плоды зизифуса, имеющие нежный сладкий вкус и содержащие большое количество витамина С, так и древесина. Плоды и листья зизифуса применяют в народной медицине; его ягоды и сегодня можно купить на рынках Верхнего Египта [Springuel, 2006, p. 107–108]. Среди других плодов – пальма дум, коккулюс висячий, баланит египетский, которые хорошо известны по раскопкам фараоновских и античных памятников в Египте [Springuel, 2006, p. 85–86, 110–113; Mahmoud, 2010, p. 59]. Важным открытием стало обнаружение среди ботанических образцов трех крупных фрагментов скорлупы кокосового ореха; образцы принадлежат трем разным плодам. Присутствие плодов кокосовой пальмы свидетельствует о том, что по торговому маршруту, проходившему через Дерахейб, перевозились товары из южной Азии, а обитатели Северной крепости могли себе позволить включить в свой рацион питания плоды заморских растений. Кокосовые орехи, съеденные в Дерахейбе, как можно предположить на основании писем из Каирской генизы, были привезены с Мальдивских островов [Goitein, Friedman, 2008, p. 316 (прим. 24), 317, 587]. Другим иноземным плодом был миндаль, который, скорее всего, доставляли из Йемена [Goitein, Friedman, 2008, p. 587].

В четвертом сезоне полевых работ Нубийской экспедиции МГУ в феврале – марте 2022 г под сквозным проемом в центре северо-западной стены Северной крепости был заложен шурф 2×2 м, глубиной 2,2 м. Анализ находок (керамика, кости животных, угли) свидетельствует, что у северо-западной стены находился многометровый зольник, образовавшийся за весьма непродолжительный период функционирования замка [Krol et al., 2024(2)]. Кости животных из зольника были изучены археозоологами; их анализ показал, что жители Северной крепости в основном употребляли в пищу мясо мелкого рогатого скота, но также верблюдов, лошадей, коров и нубийского горного козла¹¹.

Большой интерес представляют находки керамики из этого шурфа. Керамические комплексы, аналогичные обнаруженным на других объектах Дерахейба (Городище, Помещение I Северной крепости, Некрополь), отличаются разнообразием и относятся, главным образом, к X – первой половине XI вв. [Крол и др., 2023, с. 279–283]. Набор и соотношение различных типов и форм керамики более характерны для Египта, чем других средневековых памятников Нубии. Так, предварительные статистические данные, полученные в результате изучения керамики из разных пластов шурфа у Северной крепости, соответствуют данным, известным по публикации керамических комплексов Асуана IX–XI вв. [Williams, 2022].

Подавляющее большинство керамического материала из шурфа относится к числу т.н. асуанской гончарной керамики (рис. 7.1) (группы AIII и AIV по классификации У. Адамса [Adams, 1986, p. 546–557]), что неслучайно, учитывая торговые и караванные пути, связывавшие Дерахейб с этим центром. Среди находок преобладают типы, имевшие в большей степени хозяйственное значение – транспортная тара (многочисленные амфоры), кухонная утварь и т.п. Столовая посуда также встречается и представлена, главным образом, изящными чашами и кубками, украшенными красным, темно-коричневым и черным растительным и геометрическим декором по белому ангобу, относящимися к типам W22 и W12 по классификации У. Адамса – раннеисламские и средневековые белые сосуды.

Довольно показателен тот факт, что в одном слое в Дерахейбе присутствует керамика групп AIII и AIV, которые на других нубийских памятниках, как правило, разделяют одно – два столетия, и только в Асуане, месте производства этой посуды, в слоях IX–X вв. мы наблюдаем аналогичную картину [Williams, 2022, p. 54], что еще раз указывает на тесную связь Аль-Аллаки и Асуана в это время.

¹¹ Анализ был проведен заведующим лабораторией исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН А.Б. Савинцевым.

Среди находок присутствует и нубийская гончарная керамика, однако в значительно меньшем количестве — в основном это кухонная посуда и хозяйственная тара. Одним из отличий от керамических комплексов Асуана является довольно большой процент нубийской лепной керамики (также кухонная посуда и хозяйственная тара (рис. 7.2)), что, вероятно, указывает на присутствие местного населения Нижней Нубии и Восточной пустыни.

Одной из самых важных характеристик керамического комплекса Дерахейба стало присутствие предметов роскоши — люстровой иракской керамики, палестинского и китайского импорта. Несмотря на то, что раскопки памятника Дерахейб еще только начаты, можно с уверенностью утверждать, что люстровая керамика не является диковиной. Многочисленные фрагменты керамической посуды с характерной люстровой росписью присутствуют среди находок, сделанных в разных частях памятника, как в Северной крепости, так и на самом Городище (подробнее см: [Крол и др., 2023, с. 280–281]). Самое большое скопление люстра (более 20 фрагментов от разных сосудов) было обнаружено в заложенном в 2022 г. шурфе у северо-западной стены Северной крепости, причем присутствовали эти находки во всех слоях. Обращает на себя внимание тот факт, что по сообщению археолога Г. Уильямса, много лет занимающегося изучением керамики средневекового Асуана, на его памятнике было найдено всего четыре фрагмента керамики с люстровой росписью [Williams, 2022, p. 61].

В настоящее время у нас нет абсолютной уверенности в регионе происхождения найденного Дерахейбе люстра. Изучение керамического теста, а также иконографических особенностей росписи, позволяет предположить, что представленный материал достаточно однороден и может относиться к группе монохромного иракского люстра X в. [Mason, 2004; Pradell et al., 2008]. Наиболее примечательными находками стали фрагменты изящных чаш для питья (рис. 7.3), покрытых характерным орнаментальным и фигуративным декором с внешней и внутренней стороны. Люстровая посуда относится к числу хорошо изученной и представленной в мировых коллекциях керамики, поэтому нам удалось идентифицировать и восстановить сюжет росписей найденных в Дерахейбе мельчайших черепков. Так, например, сохранившееся на внутренней стороне фрагмента чаши для питья изображение человеческой ноги является частью известного сюжета — музыкант или танцовщик в широких шароварах с лютней в руках. Такая композиция относится к числу т.н. сюжетов «дворцовых удовольствий». Другой частой темой являются орнаментальные мотивы с благословениями пьющему, выписанными внутри овальных медальонов. Среди люстровых находок из шурфа также присутствуют фрагмент чаши с надписью арабографичной вязью и изображениями деревьев и птиц и венчик чаши с изображением зайца (рис. 7.4).

Из большого количества представленной на памятнике поливной египетской керамики обращает на себя внимание *“splashed glazed pottery”* — поливная керамика с декором цветными пятнами или полосами (рис. 7.5). В шурфе у Северной крепости и в заполнении Помещения I было обнаружено несколько фрагментов подобного рода чаш. В Египте такая посуда появляется в X в. как подражание иракским сосудам [Monchamp, 2018, fig. 264; Saad, Dixneuf, 2013, p. 29–30; Philon, 1980, p. 42, fig. 74]. В самом Ираке распространение этого типа поливной керамики можно связать с подражаниями китайской керамике *санкаи* эпохи Тан, которая стала поступать на Ближний Восток в IX в. [Saad, Dixneuf, 2013, p. 29].

На памятнике также встречается китайский импорт — фрагменты керамики с селадонной глазурью (рис. 7.6). Для Египта и Нубии это далеко не самый массовый материал: находки селадона и его имитаций зафиксированы в основном в крупных городских центрах. В самом Дерахейбе до настоящего времени найдено два таких фрагмента: один в зольнике на Городище, другой — в заполнении Помещения I Северной крепости. Судя по сопутствующему материалу, и в том, и в другом случае датировать находки можно IX–XI вв.

Следует отметить, что селадоновая керамика была обнаружена также в районе порта Айзаб, но датируется она там несколько более поздним временем, XII–XV вв. [Kawatoko, 1993, p. 206], что свидетельствует о довольно длительной истории китайского импорта в регионе.

Ближневосточного импорта не так много, главным образом, это тарная керамика для перевозки оливкового масла из Палестины IX–X вв. (*Nebi Samvil jar*), известная также среди находок в средневековых слоях Асуана и на других египетских памятниках [Williams, 2022, p. 61].

Таким образом, изучение керамики, найденной в районе Северной крепости, наглядно свидетельствует о высоких стандартах жизни ее обитателей. Только кухонная посуда и хозяйственная тара относится к числу изделий местного производства, тогда как почти вся столовая посуда принадлежит к статусным, дорогим вещам: полихромные асуанские чаши и кубки, ближневосточный люстр, египетская полихромная полива.

Особенности технологии изготовления, назначение и характер обнаруженных в результате археологических раскопок предметов позволяют нам высказать гипотезу о том, что Северная крепость может быть определена как дар аль-имара – замок местного правителя и средоточие административной власти в регионе. Подобное предположение было высказано ранее У. Моннере де Вилларом, который сравнил архитектуру Северной крепости с т.н. пустынными замками омеядского времени в Сирии, Палестине, Иордании и Ираке [Monneret de Villard, 1935, p. 276]. Прекрасным документальным подтверждением сформулированной нами гипотезы служит и пассаж из сочинения арабского географа Йакута (1179–1229) «Алфавитный перечень стран»: «Ал-‘Аллākī – крепость в стране буджа, [расположенной] на юге земли Египта. Близ него, между Ал-‘Аллākī и городом Асуан, на обширном пространстве находится золотой рудник. Человек копает землю, и если что-либо в ней найдет, то часть находки принадлежит копающему, а часть – султану ал-‘Аллākī. А он человек из племени ханифа из группы раби‘а. Между Ал-‘Аллākī и А‘йзāбом восемь переходов» [Древние и средневековые источники, 1985, с. 142].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

ал-Йа‘куби. *Книга стран (Китаб ал-Булдан)*. М.: Восточная литература, 2011 [Al-Ya‘qubi. *Book of the Countries (Kitab al-Buldan)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011 (in Russian)].

Большаков О.Г. *Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения*. М.: Наука, 1984 [Bolshakov O.G. *Medieval City of the Middle East. 7th – mid-13th Century: Socio-Economic Relations*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Бухарин М.Д., Крол А.А. Береника Всезлатая – Аль-Аллаки – Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии. *Вестник древней истории*. 2020. № 1. С. 172–192 [Bukharin M.D., Krol A.A. Berenice Panchrysos – Al-Allaqi – Deraheib: Archaeological Reality in the Light of Historical Geography. *Journal of Ancient History*. 2020. No. 1. Pp. 172–192 (in Russian)].

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники VII–X веков. Подг. текстов и пер. Л.Е. Куббеля, В.В. Матвеева. М. – Л.: Наука, 1960 [Ancient and Medieval Sources on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa. Arabic Sources of the 7th–10th Centuries. L.E. Kubbel, V.V. Matveev (ed., tr.) Moscow – Leningrad: Nauka, 1960 (in Russian)].

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники X–XII веков. Подг. текстов и пер., В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля. Л.: Наука, 1965 [Ancient and Medieval Sources on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa. Arabic Sources of the 10th–12th Centuries. Ed. and Transl. by V.V. Matveev, L.E. Kubbel. Moscow, Leningrad: Nauka, 1965 (in Russian)].

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники XII–XIII веков. Изд. подг., пер. В.В. Матвеева, Е. Куббеля. Л.: Наука, 1985 [Ancient and

Medieval Sources on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa. Arabic Sources of the 12th–13th Centuries. V.V. Matveev, L.E. Kubbel (ed., tr.) Leningrad: Nauka, 1985 (in Russian)].

Кандинов М.Н., Крол А.А. Строительные материалы в средневековой архитектуре археологического памятника Дерахейб (Судан). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология.* 2021. № 3. С. 109–119 [Kandinov M.N., Krol A.A. Building Materials in the Medieval Architecture of the Archaeological Site of Deraheib (Sudan). *Lomonosov Journal of Anthropology.* 2021. No. 3. Pp. 109–119 (in Russian)].

Крол А.А. Маршруты хаджа из Египта в Ал-Хиджаз через Восточную пустыню и порт Айзаб в IX–XV вв. *Восток (Oriens).* 2018. № 2. С. 21–30 [Krol A.A. Hajj Routes from Egypt to Hijaz through The Eastern Desert and Port City of Aydhab in the Ninth-Fifteenth Centuries. *Vostok (Oriens).* 2018. No. 2. Pp. 21–30 (in Russian)].

Крол А.А. Сведения арабских источников IX–XV вв. по истории региона Вāди ал-‘Аллāқи (Египет, Судан). *Аравийские древности. Сборник статей в честь 70-летия Александра Всеволодовича Седова.* Под ред. И.В. Зайцева. М.: Издательство восточной литературы, 2020. С. 203–217 [Krol A.A. Arabic Sources of 9th–15th Centuries on the History of the Wādī al-‘Allāqī Area (Egypt and Sudan). *Arabian Antiquities. Studies Dedicated to Alexander Sedov on the Occasion of His Seventieth Birthday.* I.V. Zaitsev (ed.) Moscow: Vostochnaya Literatura, 2020. Pp. 203–217 (in Russian)].

Крол А.А. Средневековая мечеть на городище Дерахейб (Судан): Предварительные итоги исследований. Дорога Науки. Сборник статей в честь 80-летия акад. М. Б. Пиотровского. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2024. С. 572–600 [Krol A.A. Medieval Mosque at Deraheib (the Sudan): Preliminary Study Results. The Path of Scholarship. Festschrift in Honour of the 80th Anniversary of Academician Mikhail Piotrovsky. St Petersburg: The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 2024. Pp. 572–600 (in Russian)].

Крол А.А., Березина Н.Я., Зайцев Ю.П., Решетникова Н.А. Сезон 2018 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология.* 2019. № 2. С. 134–144 [Krol A.A., Berezina N.Y., Zaitsev Yu.P., Reshetnikova N.A. 2018 Season of the Nubian Archaeological-Anthropological Mission of the Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University at the Site Deraheib. *Lomonosov Journal of Anthropology.* 2019. No. 2. Pp. 134–144 (in Russian)].

Крол А.А., Гордеев Ф.И., Зайцев Ю.П., Семенов Е.В., Слепченко С.М., Толмачева Е.Г. Сезон 2020 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология.* 2021. № 4. С. 126–145 [Krol A.A., Gordeev F.I., Zaitsev Y.P., Semenov E.V., Slepchenko S.M., Tolmatcheva E.G. 2020 Season of The Nubian Archaeological-Anthropological Mission of The Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University at the Site Deraheib (The Sudan Republic). *Lomonosov Journal of Anthropology.* 2021. No. 4. Pp. 126–145 (in Russian)].

Крол А.А., Березина Н.Я., Гордеев Ф.И., Калинина О.С., Толмачева Е.Г., Чиркова А.Х., Лейбова Н.А. Исследования Нубийской Археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея Антропологии МГУ в центральном Атбае (2017–2022). *Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции 2021–2022 гг. Избранные доклады.* М.: ИВ РАН, 2023. С. 258–296 [Krol A.A., Berezina N.Y., Gordeev F.I., Kalinina O.S., Tolmatcheva E.G., Chirkova A.K., Leibova N.A. Research of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Research Institute and the Museum of Anthropology, Moscow State University, in Central Atbay (2017–2022). *Oriental Field Research. Materials of The All-Russian Academic Conference 2021–2022.* Moscow: IOS RAS, 2023. Pp. 258–296 (in Russian)].

Крол А.А., Кузнецов Д.А., Ладынин И.А. Кубанская стела (Musée des beaux arts Grenoble, Collection égyptienne, Inv. 1937, 1969, 3565). *Вестник древней истории*. 2025. № 1. (в печати) [Krol A.A., Kuznezov D.A., Ladynin I.A. The Quban Stele (Musée des beaux arts Grenoble, Collection égyptienne, Inv. 1937, 1969, 3565). *Journal of Ancient History*. 2025. No. 1. (in print) (in Russian)].

Мерперт Н.Я., Большаков О.Г. Раннединастическое поселение Хор-Дауд. *Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике*. Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.—Л.: Наука, 1964. С. 83–177 [Merpert N.Y., Bolshakov O.G. The Early Dynastic Settlement of Khor-Daud. *Ancient Nubia. Results of the Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences in the United Arab Republic*. B.B. Piotrovsky (ed.) Moscow – Leningrad: Nauka, 1964. Pp. 83–177 (in Russian)].

Толмачева Е.Г. Находки арабо-византийского текстиля на памятнике Дерахейб (Судан). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 2 июня 2022 г.). Материалы научной конференции*. Симферополь: Ариал, 2022. С. 247–249 [Tolmacheva E.G. Finds of Arabic-Byzantine Textile at the Site of Deraheib (Sudan). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis. XIV International Byzantine Seminar (Sevastopol – Balaklava, May 29 – June 2, 2022). Materials of the Academic Conference*. Simferopol: Arial, 2022. Pp. 247–249 (in Russian)].

Толмачева Е.Г. Предметы средневекового восточного костюма по археологическим данным: некоторые результаты изучения археологического текстиля на памятнике Дерахейб (Судан). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции*. Симферополь: Ариал, 2023. С. 297–304 [Tolmacheva E.G. Parts of Mediaeval Eastern Costume According to the Archaeological Data: Several Results of the Research of Archeological Textile at the Site of Deraheib (Sudan). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis. XV International Byzantine Seminar. Materials of the Academic Conference*. Simferopol: Arial, 2023. Pp. 297–304 (in Russian)].

Adams W. *Ceramic Industries of Medieval Nubia (Memoirs of the UNESCO Archaeological Survey of Sudanese Nubia. Vol 1. Parts 1–2)*. Lexington: University Press of Kentucky, 1986.

Al-Kindi. *The Governors and Judges of Egypt*. R. Guest (ed.) London: Brill, 1912.

Barnes R. From India to Egypt: The Newberry Collection and the Indian Ocean Trade. *Islamische Textilkunst des Mittelalters: Aktuelle Probleme*. M. Salim, R. Barn, I. Bierman (eds.) Riggisberg: Abegg-Stift, 1997. Pp. 79–92.

Castiglioni Al., Castiglioni An. The Tracks of Egyptian Penetration. *Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert. Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert. (Sudan Archaeological Research Society Publication 24)*. W.V. Davies, D.A. Welsby (eds.) Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020(1). Pp. 22–47.

Castiglioni Al., Castiglioni An. The Journey to Onib Crater (el-Hofra). *Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert. (Sudan Archaeological Research Society Publication 24)*. W.V. Davies, D.A. Welsby (eds.) Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020(2). Pp. 62–67.

Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J. *Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia*. Mainz: Philipp Von Zabern, 1998.

Feng Zh. Domestic, Wild or Unraveled? A Study on Tabby, Taqueté and Jin with Spun Silk from Yingpan, Xinjiang, Third–Fourth Centuries. *Silk: Trade and Exchange along the Silk Roads between Rome and China in Antiquity*. London: Oxbow Books, 2017.

Goitein S.D., Friedman M.A. *India Traders of the Middle Ages: Documents from the Cairo Geniza: India Book. Part 1. (Études sur le judaïsme medieval. Vol. 31)*. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Grabar O. *Coinage of the Tūlūnids. Numismatic Notes and Monographs No. 139*. New York: Literary Licensing, LLC, 1957.

Hassan Y.F. *The Arabs and the Sudan: From the Seventh to the Early Sixteenth Century*. Khartoum: Khartoum University Press, 1973.

Ibn Hawqal. Configuration de la terre (Kitab surat al-ard). *Cahiers de civilisation médiévale*. 9e année (n°35). J.H. Kramers, G. Wiet (eds.) Beyrouth, Paris : Maisonneuve & Larose, 1964.

- Ibn Rusteh. *Les atours précises*. G. Wiet (tr.) Le Caire: Société de Géographie d'Égypte, 1955.
- Kawatoko M. Preliminary survey of 'Aydhab and Badi sites. *Kush*. 1993. Vol. 16. Pp. 203–224.
- Klemm R., Klemm D. New Kingdom and Early Kushite Gold Mining in Nubia. *The New Kingdom: Lived Experience, Pharaonic Control and Indigenous Traditions*. British Museum Publications on Egypt and Sudan; 3. N. Spencer, M. Binder, A. Stevens (eds.) Leuven, Paris, Bristol: Peeters Publishers, 2017. Pp. 260–270.
- Krol A., Tolmacheva E., Dmitrieva J. The Faience Pendant in the Form of the God Bes, Excavated at the Site Deraheib (Sudan). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2024(1). No. 4. (in print).
- Krol A.A., Zaitsev Y.P., Tolmacheva E.G., Dmitrieva Y.V., Bashilov A.A., Malyshev N.V. 4th Season of the Nubian Expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov MSU at the Sites of Deraheib (The Republic of Sudan). Excavations at the North-Western Wall of the Northern Fortress. *Lomonosov Journal of Anthropology (Moscow University Anthropology Bulletin)*. 2024(2). No. 4 (in print).
- Mahmoud T. *Desert Plants of Egypt's Wadi El Gemal National Park*. Cairo: AUC Press, 2010.
- Mason R.B. *Shine like the sun. Lustre-painted and associated pottery from the Medieval Middle East (Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture series, 12)*. Toronto: Mazda Pub, 2004.
- Monchamp J. *Céramiques des murailles du Caire (fin Xe – début XVIe siècle)*. (Archéologie islamique-Fouilles de l'Iffao, 77). Le Caire: IFAO, 2018.
- Monneret de Villard U. *La Nubia Médiévale*. Vol. I. Le Caire: IFAO, 1935.
- Paul A. *History of the Beja Tribes of the Sudan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1954.
- Philon H. *Benaki Museum Athens Early Islamic Ceramics, Ninth to Late Twelfth Centuries*. London: Islamic Art Publications, 1980.
- Power T. *The Red Sea from Byzantium to the Caliphate: AD 500–1000*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2012.
- Pradell T., Molera J., Smith A.D., Tite M.S. The Invention of lustre: Iraq 9th and 10th Centuries AD. *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. Pp. 1201–1215.
- Rogers C. *Early Islamic Textiles*. Brighton: Rogers & Pudmore, 1983.
- Saad M.A.N.H., Dixneuf D. *Catalogue of the Faculty of Arts Museum, Alexandria University 1: Islamic Pottery*. Part I. (Etudes Alexandrines. T. 28). Alexandrie: Centre d'Études Alexandrines, 2013.
- Sadr K., Castiglioni A.I., Castiglioni An. Deraheib: Die goldene Stadt der Nubischen Wüste. *Mitteilungen der Sudanarchäologische Gesellschaft zu Berlin*. 1999. Bd. 9. S. 52–57.
- Springuel I. *Desert Garden: A practical guide*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2006.
- Vantini G. *Oriental Sources Concerning Nubia*. Heidelberg; Warsaw: w.p., 1975.
- Vercoutter J. The Gold of Kush. Two Gold-Washing Stations at Faras East. *Kush*. 1959. No. 7. Pp. 120–153.
- Williams G. *Syene VI: A Center on the Edge. Early Islamic Pottery from Aswan*. Gladbeg: PeWe-Verlag, 2022.
- Yvanez E., Wozniak M. Cotton in ancient Sudan and Nubia. *Revue d'ethnoécologie*. 2019. No. 15. Pp. 1–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КРОЛ Алексей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

ТОЛМАЧЕВА Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexei A. KROL, PhD (History), Senior Research Fellow, Research Center and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Elena G. TOLMACHEVA, PhD (History), Research Fellow, Research Center and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье А.А. Крола, Е.Г. Толмачевой

Рис. 1. Карта территории Атбая (юго-восток Египта и северо-восток Судана) с указанием топонимов, упомянутых в статье.

Fig. 1. Map of Atbay (Southeastern Egypt and Northeastern Sudan) indicating main toponyms mentioned in the article.

Рис. 2. Карта с указанием основных археологических объектов памятника Дерахейб: 1—Городище; 2—объект 3 (мечеть); 3—Северная крепость; 4—Южная крепость; 5—Южный некрополь.

Fig. 2. Map of the Deraheib site indicating main archaeological features: 1—Settlement; 2—Building 3 (Mosque); 3—Northern Fortress; 4—Southern Fortress; 5—Southern Necropolis.

Рис. 3. Вид на Северную крепость с юго-запада (фото К. Самурского).
Fig. 3. View on the Northern Fortress from the southwest (photo by K. Samurskii).

Рис. 4. Находки, сделанные при раскопках Северной крепости: 1 – фельс Ибн Тулуна, 258 АН (871/2); 2 – фрагмент резьбы по туфу; 3 – бусы, серьга; 4 – фрагменты бумаги с арабографичной надписью; 5 – костяное пряслице (фото А. Крола, К. Самурского).

Fig. 4. Finds from excavations at the Northern Fortress: 1 – Fels of Ibn Tulun, 258 AH (871/2 CE); 2 – Fragments of wall carvings on tuff; 3 – Jewelry (beads, earring); 4 – Fragments of paper with Arabic script; 5 – Bone spindle whorl (photo by A. Krol, K. Samurskii).

Рис. 5. Арочный конструктивно-декоративный элемент в архитектуре Дерахейба:

1 – башня с входом в крепость; 2 – арочные перекрытия внутри крепости; 3 – арочный вход в здание рядом с Северной крепостью; 4 – арочные оконные проемы на восточной стене Здания 3 (Мечеть) (фото К. Самурского, Д. Федоровой).

Fig. 5. Constructive and decorative arched elements in the architecture of Deraheib: 1 – Entrance tower of the Northern Fortress; 2 – Arched passageway inside the Fortress; 3 – Arched entrance in a building near the Northern Fortress; 4 – Arched windows on the Eastern wall on the Building 3 (Mosque) (photo by K. Samurskii, D. Fedorova).

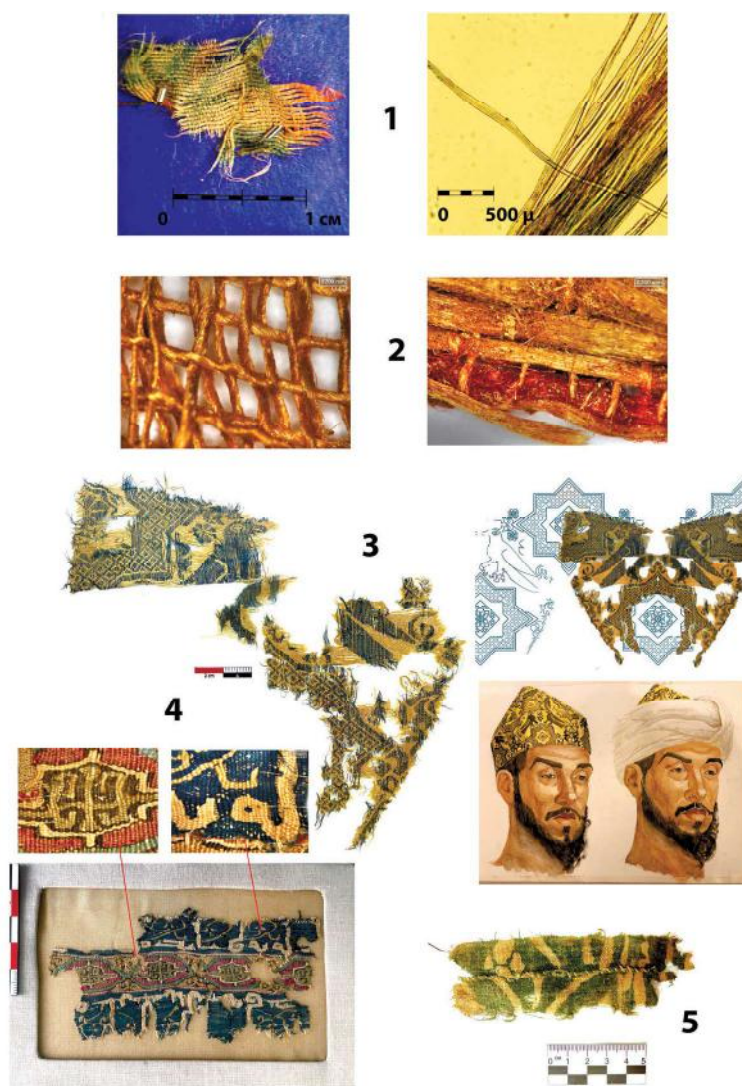

Рис. 6. Археологический текстиль, найденный в Дерахейбе: 1 – фрагмент шелковой ткани с декором в технике набойки, общий вид и фото под микроскопом; 2 – макрофотография фрагмента шелковой ткани, найденной на некрополе; 3 – фрагменты шелковой ткани в технике лампас, реконструкция декора, графическая реконструкция способа ношения калансувы; 4 – фрагмент гобеленовой вставки после реставрации; 5 – хлопковая ткань с декором в технике набойки (фото и реставрация Е. Толмачевой, реконструкция Е. Толмачевой, О. Орфинской, О. Калининой)

Fig. 6. Archaeological textiles from Deraheib: 1 – Silk reserve dyed textile: general view and microscope photo; 2 – Closeup of a silk textile fragment from the Necropolis; 3 – Lampas woven in silk textile, reconstruction of decoration, graphic reconstruction of the way to wear qalansuwa; 4 – Tapestry insert after conservation, general view and closeup; 5 – Reserve dyed cotton textile (photo and restoration by E. Tolmacheva; reconstruction by E. Tolmacheva, O. Orfinskaya, O. Kalinina).

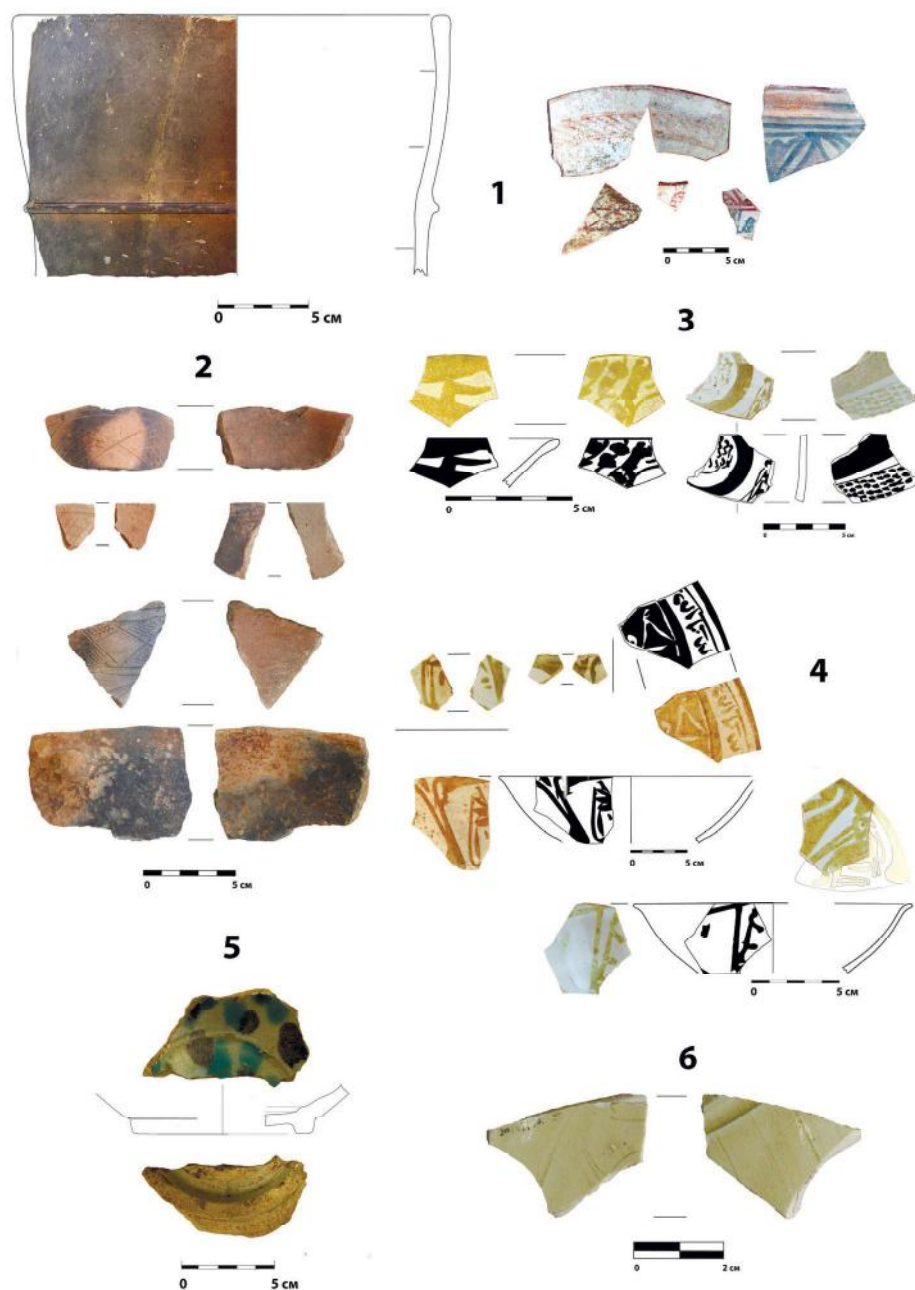

Рис. 7. Керамика из Северной крепости: 1 – асуанская гончарная керамика AIII, AIV; 2 – нубийская средневековая лепная керамика; 3, 4 – люстровая керамика; 5 – поливная керамика с декором цветными пятнами или полосами; 6 – Селадон (фото и рис. Е. Толмачевой).

Fig. 7. Pottery from the Northern fortress: 1 – Aswan pottery AIII, AIV; 2 – Nubian handmade pottery; 3, 4 – Lusterware; 5 – Splashed glazed pottery; 6 – Celadon (photo and drawing by E. Tolmacheva).